

8. РГВИА. – Ф. 409. – Оп.1. – п/с 116-365.

9. Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и почетным революционным оружием. – Москва : Гос. воен. изд-во, 1926. – 302, [1] с. – Текст : непосредственный.

10. Статут Ордена Св. Георгия, утвержденный Императором Николаем Вторым / Федеральное архивное агентство. – Москва, 2014. – Текст : непосредственный.

11. Чотонов У. История Отечества : учебник для вузов / У. Чотонов, Досбол Нур уулу. – Бишкек : Учкун, 2009. – 273 с. – Текст : непосредственный.

УДК 343.9

Д.В. Бахарев

г. Пермь, Россия

ПРИНЦИПЫ КРИМИНАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ: ДМИТРИЙ ДРИЛЬ НА III-М МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ

В статье анализируется деятельность выдающегося российского ученого-криминалиста Д. А. Дриля на III-м Международном уголовно-антропологическом конгрессе в Брюсселе (1892 г.).

Ключевые слова: *Дриль, криминальная антропология, уголовно-антропологические конгрессы, Ломброзо, теория «прирожденного преступника», факторы преступности.*

D. V. Bakharev

Perm, Russia

PRINCIPLES OF CRIMINAL ANTHROPOLOGY: DMITRY DRIL AT THE 3RD INTERNATIONAL CRIMINAL ANTHROPOLOGICAL CONGRESS

The article analyzes the activities of the outstanding Russian scientist-criminalist D.A.Dril at the 3rd International Criminal Anthropological Congress in Brussels (1892).

Keywords: *Dril, criminal anthropology, criminal anthropological congresses, Lombroso, theory of the "born criminal", factors of crime.*

В марте 2021 г. исполнилось 175 лет со дня рождения Д. А. Дриля (1846-1910) – видного отечественного ученого-криминалиста, государственного и общественного деятеля. Основные жизненные вехи Дмитрия Андреевича достаточно подробно освещались на страницах печати его друзьями и единомышленниками [1]. Нам же, для начала, представляется уместным и целесообразным добавить к биографии Дриля несколько штрихов, характеризующих ее формальные, чисто служебные моменты. На государственную службу он поступил 12 июня 1885 г. и находился на ней вплоть до последнего дня своей жизни, занимая должность юрисконсульта Министерства юстиции. Последний классный чин – действительный статский советник (01.01.1906). Служебная деятельность Дмитрия Андреевича была отмечена следующими российскими и иностранными наградами: ордена Св. Станислава 2 ст. (1892), Св. Анны 2 ст. (1896), Св. Владимира 4 ст. (1901) и французский знак отличия, присвоенный званию «Officier d'Academie» (1896) [6, с. 1132].

Как известно, Дриль являлся последовательным сторонником антропологического направления в поиске причин преступного поведения и участвовал в работе шести конгрессов уголовной антропологии: в 1885 г. – в Риме, в 1889 г. – в Париже, в 1892 г. – в Брюсселе, в 1886 г. – в Женеве, в 1901 г. – в Амстердаме, в 1906 г. – в Турине. О ходе практически каждого из них Дрилем были даны подробные отчеты и комментарии на страницах печати. Деятельность III-го, брюссельского, конгресса представляет отдельный интерес ввиду того, что нередко он рассматривается как «крах идей ломброзианства» [4, с. 56] и антропологического направления в целом [5, с. 40-44]. Однако анализ материалов работы данного научного мероприятия, в т. ч. и в интерпретации Д. А. Дриля, дает основание рассматривать подобную трактовку хода и результатов деятельности конгресса, как весьма упрощенную и не вполне соответствующую реальному положению вещей.

Для начала необходимо отметить, что отождествление итальянской («туринской») школы, возглавляемой Ч. Ломброзо, и всего уголовно-антропологического направления в исследовании причин преступного поведения человека, является в корне неверным. К сожалению, это распространенное заблуждение криминалистов сегодняшней эпохи бытовало и во времена самого Ломброзо. Дело в том, что отличительной чертой возглавляемого им научного направления являлась теория особого анатомически отмеченного «преступного» типа, хотя сам Ломброзо даже в первых своих трудах отнюдь не сбрасывал со счета влияние на преступную деятельность человека и иных факторов, в т. ч. и сугубо социального свойства [8, pp. 120-155]. Однако мировую известность Ломброзо и его последователям

принесла именно идея «прирожденного преступника», представленная широкой научной общественности на I-м Международном уголовно-антропологическом конгрессе в Риме. Между тем, уже на II-м конгрессе в Париже целая группа видных ученых (Мануврие, Дриль, Бенедикт, Ал. Бертильон, Лакассань и др.) выступила отрицательно по отношению к идее о возможности установления внешних анатомических признаков «преступного типа» и, в особенности, против возможности основания на внешних признаках каких-либо предсказаний и суждений о виновности лица [2, с. 633-634]. При этом, как отмечал Д. А. Дриль, большинство из высказавшихся по этому вопросу, в то же время признавали, что преступники принадлежат к «низшим», «вырождающимся» типам [2, с. 635]. Сам Дриль на парижском конгрессе развил применительно к преступникам «учение Мореля о несчастных и порочных организациях, сформировавшихся в течение одного или нескольких поколений под влиянием неблагоприятных жизненных условий, и, вследствие своих особенностей, более или менее предрасположенных к преступлению вообще и к различным его видам в частности». При этом он подчеркивал, что «эта органическая предрасположенность и есть один из факторов, но не единственный. Необходимы еще и неблагоприятные окружающие условия, наталкивающие предрасположенные организации на преступление» [2, с. 635].

Подобные взгляды после парижского конгресса постепенно приобретают все большую популярность в кругу представителей уголовно-антропологического направления, вынуждая тем самым сторонников ломброзианского течения подвергнуть отстаиваемую ими теорию «прирожденного преступника» существенной переоценке. Судя по всему, именно этим следует объяснить отсутствие итальянской делегации на следующем, III-м Международном уголовно-антропологическом конгрессе, проходившем с 7 по 14 августа 1892 г. в Брюсселе.

Рассматривая сегодня итоги деятельности этого научного форума, можно свести их к следующим существенным моментам.

Прежде всего, еще раз был подтвержден статус-кво гипотезы о существовании особого, т. е. анатомически выраженного, типа преступника. «Вопрос этот, – как писал Д. А. Дриль, – был решен конгрессом вполне отрицательно, хотя и без голосования». При этом с большим удовлетворением комментатор отмечал, что другие научные заслуги автора теории «прирожденного преступника» были по достоинству оценены делегатами конгресса [3, с. 91]. Так, в докладе профессоров Houzé и Warnots говорилось: «Многие люди, за исключением специалистов в этой области, полагают, что дело криминальной антропологии связано с существованием преступного типа г-на Ломброзо. Однако это вовсе не так, и вопрос о преступном типе – вопрос

второстепенный. Напротив, основная часть работы итальянского новатора не покоится на этой шаткой и спорной основе. Заслуга г-на Ломброзо в том, что он показал важность влияния физических особенностей преступника и во имя науки потребовал реформы в репрессии преступлений. Речь идет о принятии мер социальной защиты в отношении лиц, которые не могут адаптироваться к социальной среде в силу своей физической организации, делающей их неспособными подчиняться правилам человеческого общежития» [7, р. 122].

Сам Дриль к этому добавлял, что Ломброзо «дал могучий толчок к всестороннему изучению явлений преступности. Своими работами он перенес вопрос об этих явлениях из области метафизических теорий, создаваемых в кабинетах ученых и юристов, в область исключительно наблюдения и опыта и применил к изучению преступника точные методы естествознания. Обоснованный теперь на психологии, психиатрии и антропологии вообще, вопрос этот вышел из области произвольных построений и стал научной проблемой, допускающей научное решение и такую же проверку» [2, с. 91].

Тем не менее, уже вектор научной дискуссии на парижском конгрессе свидетельствовал о том, что процесс развития криминальной антропологии вступил в следующую фазу, оставив позади споры по поводу *L'Uomo delinquente* Ломброзо. Поэтому теперь, в Брюсселе, как отмечал Дриль, «было бы очень полезно сформулировать фундаментальные идеи этого направления; идеи, с которыми были бы все согласны и которые легли бы в основу трудов всех его представителей; идеи, которые бы всех их объединили под общим именем» [7, р. 38]. Попытку решения этой задачи предпринял он сам, представив конгрессу следующие сформулированные им принципы криминальной антропологии:

1. Школа криминальной антропологии полностью отвергает принцип возмездия, взятый в его различных модификациях, как конечную и главную цель и как основу всех уголовных наказаний. Эта школа не признает в таком наказании никакой другой основы и никакой другой цели, кроме необходимости защиты общества от печальных последствий преступления. С этой точки зрения характер наказания в корне меняется, и сама идея наказания становится более рациональной: это уже не вопрос причинения боли ради страдания или удовлетворения чувства мести.

2. Школа криминальной антропологии не ограничивается изучением только преступления; прежде всего, она серьезно исследует самого преступника в его многочисленных типах. Она стремится определить причины, приведшие к преступлению; затем она изучает деятельность преступника, а также разумные меры, которые необходимо принять в отношении него, чтобы защитить общество от его злонамеренных действий. Школа криминальной

антропологии не занимается абстрактным преступником; она изучает самые разные типы того реального и конкретного преступника, каким представляет нам его сама жизнь, суд и тюрьма. Она не строит по этому поводу спекулятивных теорий, но анализирует его в соответствии с чисто научными данными и с помощью всех видов точных методов, которые в равной степени применимы к изучению других природных явлений.

3. В преступлении школа криминальной антропологии видит результат двух взаимодействующих друг с другом факторов, двух влияний: во-первых, индивидуальных особенностей, вытекающих из характера преступника или его психофизической организации, и образующих основу его характера, поскольку они составляют основу характера любого другого человека; и во-вторых, особенностей внешних воздействий (климата и природы его страны, либо его социального окружения).

4. Основывая свои выводы на точных данных, школа криминальной антропологии рассматривает преступника как имеющего более или менее несчастную, порочную, оскудевшую, плохо сбалансированную организацию, вследствие чего мало приспособленного для борьбы за существование, а, следовательно, в неблагоприятных условиях неспособного вести эту борьбу в установленных законом формах. Однако следует добавить, что это отсутствие адаптации к борьбе за существование по большей части не абсолютное, а относительное, и зависит от различных условий.

5. Что касается причин преступлений, школа криминальной антропологии классифицирует их по трем категориям: 1) ближайшие и непосредственные причины, источником которых является психофизическая организация преступника; 2) более отдаленные причины, которые кроются в неблагоприятных условиях его жизни и под влиянием которых органические особенности превращаются в факторы преступности, более или менее постоянные; 3) предрасполагающие, под влиянием которых порочные организации наталкиваются на преступления.

6. Таким образом, поставив вопрос о преступности на твердую научную основу, школа криминальной антропологии стремится досконально изучить нынешнего преступника и его преступления, как обычные и естественные явления, и изучить их во всей степени их многочисленных факторов, начиная с самых отдаленных их зародышей, передаваемых даже по закону наследственности, до полного их роста и окончательного развития. Таким образом, она объединяет вопрос о явлениях человеческой преступности с великим социальным вопросом нашего времени и рассматривает эти явления, как неизбежный результат взаимодействия социальных и индивидуальных

факторов. Вот почему она настаивает на необходимости широких превентивных мер для успешной борьбы с преступлением.

7. Из того, что школа криминальной антропологии взяла за отправную точку перечисленные выше тезисы, логично следует, что она отрицает разумность наперед определенных мер репрессии, а также их продолжительность и специфику. Напротив, она утверждает, что в каждом случае правонарушения необходимо принимать во внимание и тщательно изучать индивидуальные особенности каждого преступника прежде, чем выносить приговор. Срок наказания должен длиться до тех пор, пока существуют причины, вызывающие его, и этот срок должен закончиться, как только эти причины прекратят свое существование [7, pp. 39-40].

Эти тезисы российского криминалиста были с энтузиазмом восприняты участниками конгресса и получили поддержку большинства из них. Оппонентами же Дриля в ходе завязавшейся дискуссии выступили официальный представитель от России на конгрессе И. П. Закревский и бельгийский товарищ прокурора Meyers. При этом первый из них в своем выступлении заявил, что отрицает сам факт существования уголовно-антропологической школы. Что касается итальянской школы, то, по мнению Закревского, она хотя и придала большой импульс исследованиям в этой области, но уже умерла и представляет собой не более, чем исторический факт [7, p. 258]. Однако возражения обоих диспутантов не встретили сочувствия у остальных присутствующих, и по итогам обсуждения доклада Дриля большинством голосов был сформулирован тезис о целесообразности объединения уголовной антропологии и классической школы уголовного права под общим знаменем идей позитивизма [7, pp. 267-286].

Активную позицию Д. А. Дриль занял и в дискуссиях по докладам других участников конгресса. В частности, в противовес мнению бельгийского медика Dallemagne (представившему весьма объемный доклад «Функциональная этиология преступления» [7, pp. 140-152]) о том, что «изучение проблемы преступности должно быть прежде всего изучением психофизиологии преступника» [7, p. 152], российский ученый заявил: «Мне кажется, что г-н Dallemagne слишком мало учитывает социальный фактор. Он заявляет, что преступление – это исключительно биологический факт. Я не согласен, потому что преступление всегда является следствием двух факторов. И прежде всего – социального, поскольку именно он формирует порочные, предрасположенные к преступлению натуры и подталкивает их к нему при определенных условиях» [7, p. 223]. Тем самым Дриль еще раз подчеркнул порочность, теоретическую бесплодность любых попыток построения «однобоких» теорий причин преступности.

Таким образом, сегодня вряд ли будет исторической ошибкой признать Д. А. Дриля одним из идейных вдохновителей III-го Международного уголовно-антропологического конгресса. Этот вывод подтверждают и опубликованные материалы работы научного форума, и мнения других его участников [9, р. 106]. Данный факт является еще одним ярким штрихом к биографии выдающегося российского ученого-юриста, признанного главы русской уголовно-антропологической школы Дмитрия Андреевича Дриля.

Список использованных источников:

1. Дмитрий Андреевич Дриль, как ученый и общественный деятель / М. М. Ковалевский, С. К. Гогель, М. П. Беклешов [и др.] ; Психо-неврол. ин-т. – Санкт-Петербург : тип. П.П. Сойкина, 1911. – 64 с. – Текст : непосредственный.
2. Дриль, Д. Парижский уголовно-антропологический конгресс 1889 года / Д. Дриль. – Текст : непосредственный // Юридический вестник. – 1889. – №12. – С. 631-642.
3. Дриль, Д. А. Что говорилось на международном уголовно-антропологическом конгрессе в Брюсселе / Д. А. Дриль. – Текст : непосредственный // Русская мысль. – 1893. – № 2. – С.88-104.
4. Иншаков, С. М. Зарубежная криминология / С. М. Иншаков. – Москва : ИНФРА-М. – НОРМА, 1997. – 383 с. – Текст : непосредственный.
5. Криминология : учебник для юрид. фак. и ин-тов / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрид. лит., 1968. – 471 с. – Текст : непосредственный.
6. Список гражданским чинам IV класса : Испр. по 1-е сент. 1910 г. – Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1910. – 1860 с. – Текст : непосредственный.
7. Actes du troisième Congrès international d'anthropologie criminelle tenu à Bruxelles en août 1892 sous le haut patronage du gouvernement. – Bruxelles : F. Hayes, Imprimeur de L'Academie Royale de Belgique, 1893. – 831 p. – The text is direct.
8. Lombroso, C. L'Uomo delinquent / C. Lombroso. – Milano : Hoepli, 1876. – 256 p. – The text is direct.
9. MacDonald, A. Abnormal Man: Being Essays on Education and Crime and Related Subjects / A. MacDonald. – Washington : Government Printing Office, 1893. – 459 p. – The text is direct.